

серия повестей
для подростков

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ

Екатерина
Мурашова

**Обратно
он
не придет**

Волчок
Москва 2019

УДК 821.161.1-3-93

ББК 84(2=411.2)6-47

М91

Мурашова Е.В.

М91 Обратно он не придет / Екатерина Мурашова. — М.:
Волчок, 2019. — 168 с. — (Не прислоняться).

ISBN 978-5-907180-02-4

Оля переехала и перешла в другую школу. Подружиться с новыми одноклассниками пока не получается, и по вечерам девочка исследует окрестности большого вокзала — «полосу отчуждения». Здесь все свое. Свои дома, свои дороги, своя река и мост через нее, свой сад с яблонями и кустами крыжовника, собаки, и лошади, и сотни вагонов.

«Полоса отчуждения» кажется Оле заколдованной страной из сказочной книжки, пока она не встречает живущих здесь мальчишек — худого злого Ваську и маленького Жеку. А вместе с ними — целый мир сложных вопросов и незнакомое раньше чувство ответственности.

Действие книги происходит во второй половине 1970-х годов, Екатерина Мурашова пишет о времени своего детства. Но и сейчас, если внимательно оглядеться по сторонам, найдется кто-нибудь, скрытый в полосе людского отчуждения, кто-нибудь, кому нужна наша помощь.

Книга переведена на немецкий язык, издавалась в Австрии и Германии, но российским читателям знакома меньше других повестей автора.

УДК 821.161.1-3-93

ББК 84(2=411.2)6-47

ISBN 978-5-907180-02-4

© Мурашова Е.В., 1991

© Кендель А.О., Кендель В.О.,
иллюстрация на обложке,
леттеринг, 2019

© ООО «Издательство Волчок»,
оформление, 2019

Когда папа с мамой развелись, мы разменяли нашу двухкомнатную квартиру на Лиговском проспекте. При размене нам с мамой досталась однокомнатная квартира в Купчине, а папе – комната в большой коммуналке на улице Чайковского. Это было справедливо, потому что, во-первых, нас с мамой двое, а во-вторых, у Зинаиды Георгиевны, новой папиной жены, тоже есть хорошая комната. Когда папа с Зинаидой Георгиевной съедутся, они получают вполне приличную квартиру.

А мы съехались с бабушкой, маминой мамой.

Наша новая квартира недалеко от прежней, рядом с Московским вокзалом. Это хорошо, потому что маме близко ездить на работу. Да и бабушка, хотя она уже давно на пенсии, иногда устраивается на работу в детскую поликлинику, которая теперь от нас наискосок через квартал. Даже дорогу переходить не надо.

Бабушка всю жизнь проработала детским участковым врачом, а детских врачей всегда не хватает, поэтому ее часто зовут в поликлинику поработать. Она

всегда соглашается, но долго там не выдерживает, ругается со всеми и увольняется. Не знаю, как она ругается на работе, но дома она кричит, что самая гуманная в мире профессия выродилась, что детей теперь лечить не умеют, что институты выпускают в лучшем случае невежд, а в худшем — бездушных карьеристов и что ноги ее больше не будет в этом гнезде равнодушия и разврата...

Но каждую весну, когда пригревает солнце и отступает бабушкин радикулит, она «на минутку» заглядывает в ближайшую детскую поликлинику, обнаруживает там кучу недостатков, бросается к начальству ругаться и в результате остается работать. «Я ни сном ни духом, — ворчит дома бабушка, — но они так просили, так просили... У них такой завал с участковыми... А в этом году такая сложная эпидемия...» Мы с мамой улыбаемся и ничего не говорим, потому что возражать бабушке опасно. Любой довод против ее устройства на работу она воспринимает как сомнение в ее лечебных способностях.

Наверное, бабушка — хороший врач. Все мамы знакомые, имеющие детей, звонят нам советовать-ся, разговаривают с бабушкой по два часа и говорят, что нам с мамой страшно повезло. Я здорова и редко болею даже насморком, но, несмотря на это, меня с самого раннего детства постоянно обследуют. То мама замечает, что у меня по утрам заплывшие глаза. «Надо проверить почки!» — заявляет бабушка,

и я месяц валяюсь в больнице и выдерживаю настолько малоприятные процедуры, что даже вспоминать не хочется. То вдруг бабушка начинает подозревать, что у меня не в порядке печень. И вот где-то по знакомству я глотаю какие-то кишки, выпиваю цистерны тошнотворно-теплой минеральной воды и на полгода лишаюсь любимых соленых огурцов маминой засолки... Так что вы сами понимаете, я предпочла бы, чтобы бабушка была по профессии инженером, или продавцом, или еще кем-нибудь.

Плохо, что после всех обменов мне пришлось пойти в новую школу. Не то чтобы я очень любила старую, но все-таки за пять лет привыкла. Не столько, конечно, к школе, сколько к ребятам, одноклассникам. Хотя старая школа недалеко и до дома, где живет моя лучшая подруга Инка Колесова, всего три трамвайные остановки, все равно это уже не то. Недавно мы встретились с Инкой, сели на качающуюся скамейку в нашем старом дворе, уже рты раскрыли... А о чем говорить — не знаем. Не о чем. Инка начала было рассказывать всякие сплетни о нашем классе, но мне это уже как-то неинтересно. У них столько всего нового уже без меня произошло, что все остальное тоже получается как бы чужое. Они — отдельно, я — отдельно. А моих новых знакомых Инка не знает... Так что посидели полчаса и разошлись... Жалко.

В общем-то, в новой школе у меня все получилось неплохо. И с девчонками мирные отношения,

и с учителями. Во втором полугодии меня даже выбрали ответственной за культмассовую работу. Я организовала два культпохода в кино и один – в Зоологический музей. В кино оба раза пришло много народу, правда, одни девчонки, а вот в Зоологический музей – всего шесть человек. Я сначала огорчилась, а потом подумала, что наши ребята, наверное, ко мне еще просто не привыкли. Но наша классная руководительница сказала, что не привыкли они скорее не ко мне, а к музеям.

Так что в школе у меня все нормально. И на переменах я теперь не стою одна у стены, как вначале, а хожу вместе с девчонками по рекреации и обсуждаю, почему Мишка Крымов уж третий день торчит по утрам напротив Милкиного парадного, почему Ленка Макаренко так задается, а физичка Берта Моисеевна уже третий месяц не носит обручальное кольцо... В общем, всё как в нашей старой школе, и иногда мне даже кажется, что я никуда не переходила.

Но это днем. А по вечерам мне делать абсолютно нечего. Раньше, сделав уроки, я выходила во двор, заходила за Инкой (или она заходила за мной), и мы шли гулять. Весной вместе с другими девчонками играли в классики или в резиночку, зимой катались с горки, осенью больше сидели на скамейке и сплетничали. Я не знаю, что делают после уроков мои новые знакомые. Знаю только, что Зина Лучко

занимается художественной гимнастикой, а Ленка Макаренко играет на пианино. А остальные? Меня никто ни разу не позвал к себе домой, а напрашиваться или звать самой неудобно. Плохо, что у меня день рождения летом. И еще плохо, что я никогда не болею. Я даже думала: не притвориться ли мне больной — но не хочется пугать маму с бабушкой и потом опять где-нибудь обследоваться. Если бы я заболела, может быть, кто-нибудь принес бы мне уроки. Например, моя соседка по парте, Наташа Громова. Мне, в общем-то, все равно кто. Мне все девчонки в классе нравятся. Даже Ленка Макаренко, которую все остальные не любят, потому что она «очень много о себе понимает». Но тут я с ними не согласна. Ленка и в самом деле очень умная и красивая девочка. Так что сколько есть, столько и понимает. Все правильно.

А пока я не решилась заболеть или позвать кого-нибудь в гости, я гуляю одна. И гулять здесь гораздо интереснее, чем вокруг нашего старого дома. Даже в окно посмотреть — и то здорово. В старой квартире все три окна выходили во двор-колодец, и солнце у нас бывало летом по два с половиной часа в сутки. А зимой и вообще не было. Из окон был виден растрескавшийся асфальт, занавешенные окна дома напротив и два помойных бака — ничего интересного. А в новом доме в окно большой комнаты можно смотреть очень долго. Потому что оно выходит

на Московский вокзал. То есть не на сам вокзал, вокзала из окна не видно и поездов тоже.

То, куда выходят наши окна, мама называет «полосой отчуждения». Если смотреть сверху, из окна, то она кажется пестрым лоскутным ковриком, составленным из низких разноцветных крыш. А если спуститься вниз и войти в нее, то она похожа на джунгли и на другую планету одновременно.

Что такое «полоса отчуждения»? Это целый город, да что там – целая страна. Люди, которые не живут и не работают в ней, обычно даже не знают о ее существовании. Когда ее можно увидеть? А вот вспомните, поезд подъезжает к Московскому вокзалу. Едет медленно-медленно. А что вокруг? Она, «полоса отчуждения»! Покосившиеся сараи, склады, пересекающиеся во всех направлениях рельсы, кучи маслено-рыжих шпал и много-много всего...

Но люди, подъезжая к городу, не смотрят в окно. Они мысленно уже приехали, все в своих городских делах и заботах. И «полоса отчуждения» остается невидимкой.

А когда войдешь в нее, нет ей ни конца ни краю. Настоящая заколдованная страна, которая вроде и есть, и нет ее. В «полосе отчуждения» все свое. Свои дома, свои дороги, своя река и мост через нее. Есть свой сад с яблонями и кустами крыжовника и черной смородины. И свои непролазные джунгли, переплетенные чертополохом и репейником в рост

человека. А есть уж и совсем странные вещи. Например, огромная гора битых винных бутылок. Когда день солнечный, то вся эта гора сверкает зелеными огнями и похожа на диковинную новогоднюю елку.

Но все это в «полосе» как бы между прочим, как бы совсем не главное. Главное – вагоны, вагоны, вагоны... рельсы, рельсы, рельсы... Некоторые вагоны всегда стоят на одном месте и, кажется, уже намертво приросли к рельсам. Другие уходят по делам, возвращаются и снова уходят. Первые вагоны страшно завидуют вторым. Я их понимаю и очень жалею. Когда вокруг тебя постоянно кто-то куда-то уезжает, а ты привязан к одному месту, можно даже заболеть с тоски. И вагоны болеют. Ржавеют, лупятся краской, скрипят от ветра...

Иногда в вагонах живут люди. Они бывают разные. Одних приводят проводники в форменных тужурках. Вечером иногда видно, как эти люди пьют чай при свечах или даже поют песни, сидя на застеленных клетчатými одеялами койках. Другие пробираются поздно вечером, поодиночке, и занимают самые старые холодные вагоны с гладкими деревянными полками, выкрашенными мутно-коричневой краской. Я не знаю, кто эти люди. Иногда мне хочется подойти к ним и познакомиться, но я стесняюсь и немного боюсь. Но они мне нравятся. Они как бы часть «полосы», продолжение ее необычности. Без них в «полосе» было бы чуть-чуть скучнее.

Дома я никогда не рассказываю про этих людей, да и про саму «полосу» тоже, потому что думаю так: если мама и бабушка узнают про все, что я вижу в «полосе», то они, наверное, запретят мне гулять там. А куда я тогда пойду? С кем?

В «полосе» здорово играть. Но не в резиночку или классики. В ней хорошо играть в «представления». Можно представить себя абсолютно кем угодно и где угодно. В «полосе» всегда найдется подходящий уголок.

Иногда, когда я ничего не представляю и гуляю в «полосе» сама по себе, мне страшно хочется куда-нибудь уехать. Мимо плывут огромные электровозы и тащат куда-то вереницы вагонов. Из-за белых занавесок рассеянно смотрят люди. Я их вижу, а они меня — нет. Все они едут куда-то далеко, в другие края, и думают о чем-то своем. Странно: мне трудно поверить в то, что эти спокойные, даже какие-то замедленные люди за окнами — те же самые, которые только что на вокзале так истошно кричали, бежали куда-то, суетились, тащили узлы и ящики. Как странно они меняются... Интересно, какой стала бы я, если бы так же, как и они, села в поезд и поехала куда-нибудь далеко-далеко?

В «полосе» я уже три раза каталась на поездах. Два раза совсем по чуть-чуть, проехала минуточку на подножке и соскочила, а один раз уехала так далеко, что потом почти три часа шла обратно по рельсам, чтобы не заблудиться. Я вовсе не хотела так далеко

заезжать, просто поезд вдруг пошел очень быстро, и я боялась спрыгнуть.

Дома мне тогда здорово попало за то, что поздно вернулась, хотя я, конечно, ничего не рассказывала о своем приключении и соврала, что заигралась в соседнем дворе в резиночку. Но я совсем не жалею, что уехала, потому что, когда стоишь на площадке, тебя обдувает ветерок и впереди неизвестно что – это так страшно и так здорово, что дух захватывает. И еще, когда я в тот раз искала какой-нибудь состав, чтобы доехать на нем до дома, то вдруг в одном из вагонов увидела приоткрытую дверь, и из нее в щелку шел такой живой-живой запах, и что-то там шевелилось и хрумкало. Я повисла на ручке и даже чуть-чуть покачалась на ней. Дверь еще немного отъехала в сторону, и оттуда показалась настоящая лошадиная голова с черной челкой и лиловыми глазами. Я влезла на подножку, заглянула внутрь и увидела, что весь вагон заполнен разноцветными конями. Такими красивыми и живыми, что прямо умереть можно.

Лошадь, которая была ближе всех ко мне, фыркала, дышала мне в шею и трогала меня теплыми, щекотными губами. Я вспомнила, что у меня в кармане лежит кусок булочки из школьного буфета, и предложила ей. Она осторожно взяла его с моей ладони, а все остальные лошади зафыркали и стали тянуть ко мне головы. Тогда я спрыгнула с подножки и стала рвать растущую между путями жухлую осеннюю

траву, одуванчики, клевер, подорожник и что там еще было и все это кидать внутрь вагона. Потом осмелела, с охапками травы пролезала под доски, сдерживающие лошадей, и ходила между ними. Лошади хрустели травой, трогали меня головами, прислонялись теплыми боками. Я даже подумала, не остаться ли мне с ними жить, но потом вспомнила, что мама с бабушкой будут волноваться, если я не вернусь домой до темноты, а до дома еще так далеко... Я попрощалась с конями, они кивали мне и постукивали копытами... И всю ночь мне снился их живой и теплый запах, смешанный с запахом мазута и осенних одуванчиков...

* * *

Обычно я выхожу гулять сразу после школы, а часам к шести возвращаюсь домой и делаю что-нибудь из уроков. «Что-нибудь» — потому что еще в четвертом классе я поняла, что сделать все уроки совершенно невозможно. Странно, как этого не понимают учителя. А может быть, и понимают, но просто делают вид, что не понимают? Мы притворяемся перед ними, что готовим все уроки, а они перед нами — как будто думают, что это возможно и даже необходимо. Забавно, правда?

В тот день нам было задано сочинение, и я решила сначала написать черновик, а потом уже идти

гулять. Писать сочинения я в общем-то люблю. Особенно любила в старой школе и всегда получала за них пятерки. В новой школе у меня по литературе твердая четверка. Не потому, конечно, что я поглупела или стала писать с ошибками, просто здесь другая учительница и я никак не хочу к ней приспособиться. «Приспособиться» — это так говорит моя мама. Когда я переходила в другую школу, она сказала, что мне придется приспособливаться не только к одноклассникам, но и к учителям. Я заметила, что насчет одноклассников я все понимаю, потому что у них свои порядки, свои дружбы и так далее, а вот что касается учителей, то я, кажется, не разведчик в тылу врага, чтобы мне к ним приспособливаться. Что знаю, то знаю, как училась, так и буду учиться. Мама на это возразила, что у меня юношеский максимализм и понимать надо, что все люди разные. Я ответила, что я это очень даже понимаю, но теорема Пифагора все-таки всегда теорема Пифагора, и я, честно говоря, не вижу, как ее можно приспособить к тому, что все люди разные. После этого мама махнула рукой и сказала, что со мной невозможно разговаривать.

В новой школе у меня сложились вполне хорошие отношения со всеми учителями (впрочем, и в старой тоже так было), и с литераторшей Надеждой Максимовной тоже, только вот «приспособиться» к ней у меня никак не получается.